

АВТАНДИЛ МАНВЕЛИДЗЕ:

«МЕДИЦИНА НЕ ДОЛЖНА ФИНАНСИРОВАТЬСЯ ПО ОСТАТОЧНОМУ ПРИНЦИПУ»

Огромное новое здание Городской клинической больницы №31 на Юго-Западе Москвы. Всего три года, как открыли. Чистые, словно операционная, коридоры. Спокойный, собранный персонал. 9.45 утра. В фойе толпятся люди. Мне назначено прийти на интервью ровно в 10.00. Приходится подождать. Сажу и рассматриваю посетителей. Среди них замечаю молодую женщину. Она что-то с волнением спрашивает у медсестры. «Состояние вашего мужа стабильное, все плохое позади. Да не переживайте вы так, девушка, все будет хорошо. Вам повезло, сам Манвелидзе оперировал. Он очень хороший хирург. И не таких тяжелых вытаскивал...».

Слушаю и понимаю, что и мне, наверное, тоже повезло. Согласитесь, не каждый день приходится просто так разговаривать с человеком, чьей профессией стало ЕЖЕДНЕВНО и буднично спасать людей от смерти.

Итак, знакомьтесь: сегодня гость нашего журнала – Автандил Георгиевич МАНВЕЛИДЗЕ – заведующий 1-м хирургическим отделением, кандидат медицинских наук, ХИРУРГ ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ, кавалер Золотого почетного знака «Общественное признание».

– Автандил Георгиевич, первый вопрос вполне традиционный: как Вы выбрали свою профессию?

– У меня в роду много врачей. Это и акушеры, и хирурги, и терапевты. Профессора, академики... Я сам родился в Москве, но все мои родственники, кроме мамы, живут в Грузии. Мама, Нина Алексеевна, мой самый близкий друг. Совершенно святая женщина. Отца своего я почти не помню. Он работал в полпредстве Грузии. Звали его Георгий Васильевич. Погиб в автокатастрофе, когда мне было всего три года. Мы с мамой тогда потеряли пять родственников. После этого остались в столице. Теперь я сам отец двоих детей. Дочке – 14 лет, сыну – 8.

– А сами Вы, если я правильно поняла, делаете самые сложные операции на внутренних органах. Даже на сердце...

– В основном я занимаюсь операциями, связанными с органами брюшной полости. Но во время дежурства, когда привозят травмированных и раненых, приходится заниматься всем. В том числе проводить операции и на сердце.

– Расскажите, пожалуйста, о самой памятной для Вас операции..

– Помнится первая, сделанная своими руками. В больнице №40. Это в районе ВДНХ. Я тогда еще был студентом третьего медицинского института. Больного привезли на «скорой помощи». Банальный аппендицит. Но тогда все прошло благополучно, хорошо. И это была огромная радость. Такое не забывается никогда. Хотя за 20 лет работы бывало всякое, приходилось оперировать по 6 часов и более.

Вспоминается история с олимпийским чемпионом по плаванию Александром Поповым. Кажется, это было в 1996 году. Его привезли к нам с ножевыми ранениями, положение было очень опасным.

– Для Вас в таких ситуациях фамилия пациента что-нибудь значит?

– Вы понимаете, в момент, когда оперируешь человека, важна не его фамилия, а его жизнь. Поэтому утверждать, что я буду из кожи вон лезть, чтобы спасти именно знаменитость, значит, говорить неправду. Когда работаешь, забываешь, кто перед тобой и делаешь все, лишь бы спасти человека. Выходить. Вернуть с того света. Вообще я считаю, что каждая операция, которую проводят хирурги, это маленькое чудо. Они же СПАСАЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ!

– И это дарит Вам счастье?

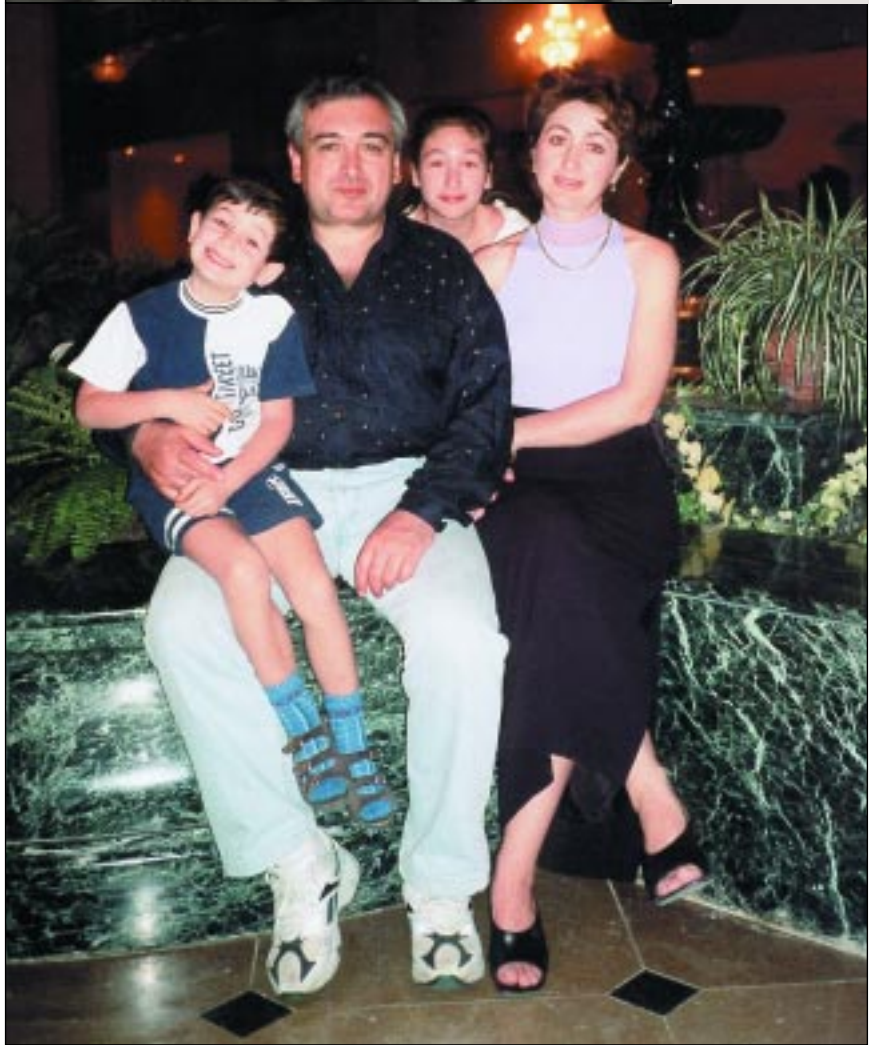
– Красивые слова. Понимаете, мы тут занимаемся и онкологическими больными, у которых, к примеру, рак толстой кишки. И наши пациенты возвращаются к нормальной жизни и живут многие годы. Разве это не удивительно?

– А бывает так, что болевший раком человек проживает долгую-долгую жизнь и потом умирает от

С мамой
Ниней Алексеевной
1965г.

В кругу семьи

причины, никак не связанной с онкологией?

– Да, и нередко. Таких операций у нас каждый год проходят сотни и каждая уникальна. Я стараюсь оперировать сложных больных. Есть некоторые наработки. Практика. Все-таки восемнадцать лет заведу отделением.

– Менее сложные операции выполняются другими врачами?

– Более молодыми. Я не говорю, что они хуже, чем я, специалисты. Боже,

упаси! Но опыт, он тоже много значит. К тому же у нас довольно приличное оборудование. Мы можем сделать то, что не всегда делают другие больницы: это и удаление всей толстой кишки, и производство конструктивно-восстановительных операций на прямой кишке, восстанавливаем целостность кишечника. И человек полностью возвращается к нормальной жизни.

– Но прежде чем Вы стали таким замечательным мастером, должно

быть, Вы прошли очень серьезную школу. Кто был Вашим учителем? Кто из профессоров института сыграл важную роль в Вашем становлении как врача?

– Очень многие. Это и Владимир Алексеевич Пенин, и Роберт Борисович Кавтеладзе, и Владимир Хроменков. С большой любовью вспоминаю Игоря Борисовича Розонова – потрясающий человек, удивительный хирург, у него я учился еще в ординатуре Боткинской больницы. Правда, увы, всех этих людей уже нет в живых. Век хирурга, обычно, не долг..

– Почему? Ведь спасение жизни, это такая радость...

– А вы посмотрите, какие физические и эмоциональные нагрузки мы испытываем ежедневно. Каждая операция – это шок, стресс. Тяжелый и сильный. Плюс бессонные ночи, дежурства. Здоровья все это не прибавляет.

– У Вас обычная районная больница?

– Работающая все семь дней в неделю на «Скорую помощь»...

– Сейчас многие говорят об ухудшении криминальной обстановки в Москве. Вы ощущаете это на себе?

– Да. К нам привозят и с ножевыми ранениями, и с огнестрельными. Мы к этому, к сожалению, уже привыкли. Если какое-то время назад, когда я только начинал, каждый такой случай воспринимался как ЧП, то теперь это текучка.

– Но сегодня у Вас есть широкие возможности спасения и таких пациентов, уникальная аппаратура...

– Аппаратура аппаратурой, но в экстренных случаях очень многое зависит

от мастерства хирурга. От того, как быстро пациент доставлен в клинику... Факторов много. Но, главное, повторюсь, врач. Его руки. Ведь, согласитесь, можно дать горе-слесарю станок с программным управлением, и у него все равно получится один только брак. Так в любой профессии, есть хорошие специалисты, есть – плохие.

– Вы стали кавалером Золотого почетного знака «Общественное признание». Как Вы относитесь к этой высокой общественной награде?

– Честно говоря, звездной болезнью я не страдаю. Плохо отношусь к

тем, кто, получив награды, начинает «задирать нос». То, что мне вручили этот знак, не только моя заслуга, это результат работы всего моего коллектива. У нас в отделении 30 человек персонала.

– А сколько больных?

– 70 коек, которые, мягко говоря, не пустуют.

– Что Вы думаете о теперешнем положении в стране, что можно сделать, чтобы ситуация изменилась к лучшему? Ведь Вы уже говорили, что прежде не было так много раненых в мирное время.

Разговор по душам

– Дело не только в раненых, был период и похуже. Например, в 1996–1998 годах. Но сегодня идет снижение общего уровня жизни. Зарплаты маленькие. У врачей тоже. Санитарка у нас получает 1200 рублей в месяц, медсестра – 2800, врач, после института – 3600–3800. Мы немного доплачиваем через свои коммерческие структуры. Но все равно получается не больше 200 долларов. Сейчас в СМИ идет поток негативной информации о медиках. И эта информация, к сожалению, порой имеет под собой реальную почву. Но, простите, а кто будет рассказывать о тех врачах, которые по-настоящему делают свою работу, решают проблемы с лекарствами, выхаживают, казалось бы, безнадежных больных?

– Почему сейчас многие их тех, кто имеет средства, предпочитают лечиться за границей? Это что, дань моде? Или наши не умеют...

– Умеют, и не хуже других. Слава Богу, сейчас мы имеем возможность общаться с зарубежными коллегами и понимаем, что руки у нас не хуже, головы тоже.

Охотничий трофей

Подводная съемка

– Снимаете пейзажи?

– Не только. У меня есть и подводная съемка. Вот, смотрите, это мои снимки, сделанные вблизи Египта на Красном море. Правда, аппаратура оставляет желать лучшего...

Смотрю на экран монитора и, знаете, хотя я не знаток тонкостей фотографии, но работы Автандила Георгиевича показались мне очень интересными, яркими, живописными. Предлагаем некоторые из них Вашему вниманию.

Елена ЛЕБЕДЕВА

– Но почему же тогда многие издания получают письма с просьбой напечатать информацию о больном, которого можно спасти только за границей?

– Это правда. Есть вещи, которые мы пока чисто технически обеспечить не можем. Во-вторых, любое лечение, вроде пересадки печени, требует больших материальных затрат. Не только денег больного. Необходим уход в реанимации, определенная аппаратура, медикаменты. Система выхаживания, аппаратура, техническое оснащение большинства наших больниц отстает от мирового уровня. Тут 31-я больница не показатель. У нас все более или менее благополучно. Практически есть все, что необходимо. Но, как вы понимаете, с неба все это не падает. Многое получаем лишь благодаря главному врачу нашей больницы Георгию Натановичу Голухову.

– Какова роль общественных организаций в том, чтобы положение изменилось?

– Необходимо добиваться изменения финансирования. Медицина не должна финансироваться по остаточному принципу. Это угроза здоровью и будущему нации. Медицина и образование – два приоритетных направления, а это пока у нас не все понимают. Я могу что-то изменить только работой. Личным примером – «делай, как я». По-другому, извините, не могу. Просто нет времени. Ходить с плакатом, стоять в пикетах, может быть, это и не бесполезно, но лучше я обучу молодых специалистов, передам им свой опыт.

– Я понимаю, что Вы крайне занятый человек, но, если у Вас выпадает свободное время, как Вы его проводите? Есть ли у Вас хобби?

– Несколько. Это охота...

– Знаю, видела. Над землей вышка, с которой «охотник» убивает практически ручного кабана. И не жаль Вам зверя?

– На такую охоту я не хожу. Если я иду на кабана, я стою на земле и у кабана есть шанс задрать меня или убежать. Это в какой-то мере уравнивает шансы. Люблю спорт, посещаю тренажерный зал, хотя и нерегулярно. Увлекаюсь подводным плаванием, фотографией.

